

УДК 101.1:316

ЕВРАЗИЙСТВО ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Павочка С.Г.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Евразийство 20-30-х гг. XX в. зародилось в атмосфере катастрофического мироощущения. Первая мировая война и серия революций в России переживалась представителями данного движения не только как переходное время, но и как время особого поворота, связываемого с социальными потрясениями и духовным кризисом, за которыми ожидалось наступление глубокого изменения сложившегося облика мира. Эта катастрофичность происходящего прочитывалась евразийцами как знамение ускоряющегося переселения и перерождения современной культуры. Представая в сознании мыслителей как постоянно движущаяся и пребывающая в ситуации постоянного обновления культура оказалась лишена определенной конкретно-исторической «оседлости». Она не исчерпывается ни определенными конкретными достижениями и не укладывается полностью в предзаданные границы мысленно созданных форм. Не может существовать вечных избранников – носителей культуры, транслирующих свои ценности в мир «неисторических» и «некультурных» народов. Возможность подобных «синтезов» никогда не бывает окончательной, как и сама история никогда не являлась уверенным движением к доисторически предзаданной абсолютной цели. Культура и история суть свободная и творческая

импровизация, любой момент которой исполнен не задуманным планом, а своим собственным значением.

Западноевропейская культура привержена к «мудрости систем», она возводит существующее в незыблемую норму: «...мы, – отмечали авторы «Исхода к Востоку», – чтим прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем... мы чувствуем...», что ныне «история толкается именно в наши ворота» [1, с. 46]. И «толкается» она в этом направлении не для того, чтобы привести к зоологическому самоопределению русского народа, но для того, чтобы и Россия раскрыла миру некую общечеловеческую правду, аналогично тому, как раскрывали ее в прошлом величайшие народы мира.

В современном им мире евразийцы воспринимали себя как находящихся посреди катаклизма, сопоставимого с такими великими историческими потрясениями, как завоевания Александра Македонского, Великое переселение народов. Подобные исторические катаклизмы были основополагающими поворотами в судьбах культуры. Очередной исторический спазм, согласно евразийцам, уже начался, и он отделяет одну историческую эпоху от другой. Его содержанием станет смена доминирующей западноевропейской культуры культурой Востока.

В этом контексте евразийцами была объявлена и ревизия самой постановки русской проблемы. Любое размышление о грядущих судьбах России необходимо должно учитывать «славянофильское» и «западническое» ее разрешение. Основное для славянофилов заключалось не в отдельных теоретических суждениях и конкретно-исторических оценках, а в субъективно-психологическом подходе к русской проблеме. Славянофилы не хотели вслед за западниками смотреть на Россию как на культурную провинцию Европы, которая с запозданием повторяет ее «зады». Власть исторической правды требует для евразийцев признания иного, а именно – того факта, что судьбы России слишком глубоко и своеобразно врезались в мировой исторический процесс, что многое национально-русское было признано романо-германским миром. Евразийцам импонировали славянофильское утверждение самостоятельной ценности русской национальной стихии и общий славянофильский тон отношения к России, но и здесь они отмечали известную ограниченность данной позиции национального самосознания, связанную с народническим отождествлением этой стихии с определенным конкретным достижением – «формами сложившегося быта». Историческая философия евразийцев строилась на принципе невозможности окончательного определения содержания будущей русской жизни. В частности, в отличие от славянофилов, они не усматривали в общине будущую форму хозяйственной жизни России, связывая ее экономические возможности

в большей степени с западным путем. В этом не следует видеть противоречия возможности и факта настоящего и будущего культурного своеобразия России: «Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западным чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность» [1, с. 49].

Смысл исторической правды, раскрываемой русской революцией, состоит в «отвержении социализма и утверждении Церкви». Революция и большевизм обнаружили собственное материальное и духовное убожество, отвратность социализма неизбежно указала на спасительную силу религии. Большевизм отрицает самого себя, ставя внутри себя задачу жизненного преодоления социализма. «Эпоха науки» сменяется «эпохой веры» не в плане уничтожения науки как таковой, а в плане признания ее бессилия разрешить основные и наличные проблемы существования.

Собственное умонастроение евразийцы определяли как национализм, не заключенный в рамки шовинизма. Стихийный и творческий национализм разрывает ограниченные рамки «национализмов» западноевропейского типа. В этническом отношении он «плещет» так широко, как широко «расплескались» леса и степи России. И в этом плане евразийцы примыкали к славянофилам, выстраивавшим дискурс не о русском народе, а о «славянстве». Понятие славянства, однако, не до конца оправдало возложенные на него исторические ожидания. Национализм евразийцев обретает расширенный статус, включая в свое содержание не только славян, но и целый круг народов «евразийского» мира, среди которых российский народ занимает срединное положение. Это приобщение целого круга восточноевропейских и азиатских народов к сфере мировой культуры определяется наличием особого «сродства душ», превращающим русскую культуру в понятную и близкую указанным народам, и, с другой стороны, делающим их участие в русской культуре плодотворным. «Сродство душ» подкрепляется также и общностью экономических интересов, хозяйственной взаимობраженностью этих народов. При этом русский народ и народы «Российского мира» – и не европейцы, и не азиаты, а евразийцы.

Революция привела к падению маски «европейскости» России. Россия лишилась ткани исторических декораций и продемонстрировала свою двуликость. Одним лицом она повернута к Европе, другим обращена к Востоку. Революция рассматривалась не только как эпизод европейской истории, но и как событие мирового значения. Ее не следует оценивать в социально-политическом смысле. Она проявляет свою сущность в национально-метафизическом аспекте. Революция показала, что

Россия есть не только «Запад», но и «Восток», не только «Европа», но и «Азия». Как социально-политическое явление революция укладывается в русло социальной закономерности, но сущность ее глубже – Европа боится не «коммунистической заразы», поскольку сам потенциал коммунизма определяется не революционной энергией русского коммунизма, а самим историческим предопределением всего русского народа, на фоне которого Европа «провинциализируется» [1, с. 59]. Россия никогда не была государственной в европейском смысле, но она всегда была великодержавной. Ее сила и значимость как субъекта истории заключена не в государственной способности ее народа, а в ее великодержавности, определившей историю русского народа и всецело подчинившей русскую личность. Проблема русской интеллигенции как раз и состоит в том, что она не заметила этого великодержавного начала, приспособившись воспринимать европейскую культуру не в сознании равенства, а в сознании ее превосходства, обязательности, исключительности и правоты. Такая ориентация интеллигентского сознания находила известные подкрепления в самой русской природе, включавшей в себе элементы робости и подчинения. Признание неравенства и допущение превосходства диктовали логику подчинения и смирения, провоцировали отречение от своего, послушничество и даже самопредательство. Всечеловеческие идеи отражены у разных народов в форме национальных культур. Стремясь к всечеловеческому идейному «вместительству», русская интеллигенция вбирала в свое сознание и совмещала в нем разновидности чужих европейских культур, иногда она полностью растворялась в них, и тем самым сама же преграждала путь к раскрытию и утверждению собственной культуры. Интеллигенция в России оказалась просвещенной интернационально, но обезличенной национально. Осуществленное большевиками изгнание интеллигенции закономерно. Его нужно понимать как приговор той форме восприятия западной культуры, которая со времен Петра I «русской сознательностью» принималась в качестве непреложной истины.

ЛИТЕРАТУРА

Исход к Востоку / Под ред. О.С. Широкова. – М.: Добросвет, 1997. – 264 с.